

УДК 101.1

DOI: 10.17223/1998863X/43/7

М.В. Куликов

АМЕРИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОПЫТКА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕРЕЗ КАТЕГОРИЮ «РЫНКА»

Исследуется вопрос своеобразия американской философии. В качестве особого фактора становления и развития американской философии и культуры рассматривается рынок, подрывающий традиционные связи и формирующий новую, динамичную и состязательную атмосферу. Возникает и особый вид дискурса, условно обозначаемый как «дискурс торга», распространившийся во всех сферах американской социокультурной жизни.

Ключевые слова: американская философия, рынок, дискурс торга.

Ответ на вопрос о «философской состоятельности» Америки может быть весьма неочевидным. Представляет ли собой американская философия нечто самостоятельное, идейно значимое и продуктивно ценное либо существует только как отклонение от центральной линии континентальной мысли? Философская культура Америки зачастую представляется не как нечто самобытное, а лишь как усвоенный результат работ континентальных мыслителей. А. де Токвиль писал: «Я думаю, что во всем цивилизованном мире нет страны, в которой меньше бы занимались философией, чем в Соединенных Штатах. Американцы не имеют собственной философской школы и очень мало заботятся о тех, которые спорят между собой в Европе, – они едва знают их имена» [1. С. 343].

Вместе с тем американский социокультурный эксперимент представляет собой нечто целое и ценностное, что требует от нас поиска категорий для адекватной интерпретации его духовной жизни. Принимая во внимание настоящее положение дел в жизни американской академической философии, поставим целью настоящей статьи рассмотрение специфики духовной жизни Америки через призму такой, казалось бы, далекой от нее категории, как «рынок».

Трудность дефиниции понятия «американская философия» во многом связана с самим понятием «философия», которое используется разными авторами в разных смыслах, с его помощью идентифицируются идейные образования, зачастую противоположные друг другу. Значительное время социально-ориентированные мыслители США, сформировавшиеся под влиянием Дж. Дьюи, рассматривали утвердившуюся в академических кругах страны аналитическую философию как кратковременную дань моде. В свою очередь, представители аналитической школы относили дискуссии неореалистов, прагматиков, натуралистов к обыденному или околотелитературному разговору. Стоит обратить внимание на то, что вопрос о философском своеобразии американской мысли во многом зависит от решения дилеммы: является ли философия универсальным, объективным знанием, независимым от национальных и идеологических обстоятельств, либо она контекстуальна, коммуни-тарна, обусловлена внешними факторами и отражает ценности американ-

ского сообщества. Очевидно, что вопрос о национальной специфике философии важен для контекстуалиста, но не существен для сторонника универсалистского подхода. Если мы оцениваем философа с позиции универсализма, тогда наибольший интерес для нас представляют постановка автором новых проблем, изобретение нового понятийного аппарата и методологии, выдвижение идей, послуживших импульсом к разворачиванию дискуссий. Если мы выбрали критерий контекстуализма, тогда интерес будут представлять переключки идей автора с глубинными архетипами национальной культуры, введение новой философской парадигмы, изобретение нетривиального метафорического ряда, эстетизм развернутой интеллектуальной игры. То есть в вопросе о значимости того или иного философа используются разные критерии и отсутствует единый стандарт оценки.

Проблема культурного своеобразия наиболее часто встает в аспекте национального. Сравнительный анализ культур, мировоззренческих установок является традиционным направлением гуманитарного исследования, однако если позитивистская традиция трактовала национальное ядро как природное, субстанциальное и самоотждественное, то современная этнология исходит из того, что оно не столько укоренено в культуре, сколько производимо в результате культурной деятельности. Бытует мнение, что Америка является «духовной колонией» Европы, куда переправляются уже отработанные теории. Конечно, американская культура стала «плавильным котлом», вместившим в себя культуру иммигрантов, но все европейское воспринималось в новых условиях лишь в той мере, в какой оно совмещалось с американской практикой, религией и политическими традициями, основы которых заложили английские пилигримы, привезшие с собой наряду с пуританизмом и кальвинизмом идеи Дж. Локка и Т. Гоббса. Говоря о ранней культурной истории США, необходимо указать не на отсутствие традиции как таковой, а на стремление самоопределиться в противопоставлении ей: «Иностранец, приезжающий сюда из Европы, привозит с собой глубокую и прочную традицию, систему культурных навыков, вкусов и привычек, взгляд на жизнь не менее древний, чем его прежняя нация... И все это, то есть сама душа истории, принадлежащая Старому Свету, вступает в противоречие с Америкой, лишь только он высадится на ее берегах» [2. Р. 230]. Как писал историк американской мысли Г. Коммоджер: «Для того чтобы быть приемлемой и полезной, такая философия должна эмансипировать себя от присущей ей в Старом Свете риторики, приспособиться к реальностям американской практики и примириться с идиосинкразиями американского характера. Американец в Новом Свете оказался удачлив, и его философия должна была оправдывать благоприятный взгляд на Провидение и Природу, романтическое представление о человеке и оптимистическую интерпретацию истории» [3. Р. 270].

Одним из наиболее важных факторов, оказавших влияние на становление американской культуры, был рынок, особая форма совершения сделок. Сделка рассматривается в настоящей статье как элемент «торгования», как результат свободного волеизъявления между ее субъектами (или субъекта в случае односторонней сделки) для достижения согласия по поводу ее предмета. Свообразие сделки как особой формы коммуникации состоит в том, что волеизъявление участвующих в ней субъектов должно сформироваться свободно, а не под внешним давлением иных лиц или объективных обстоя-

тельств. Каким образом реализовались эти особенности в американском культурном пространстве?

Дело в том, что американская нация, будучи нацией эмигрантов, формировалась за счет приезжих, озабоченных скорее своим будущим, нежели прошлым, во многом порвавших с крепкими узами традиции и утверждающих себя через экономическую деятельность. Рыночные отношения подрывали традиционные связи, авторитеты, изменяли содержание социальных ролей агентов рынка, формировали новую, динамичную и состязательную атмосферу, культивировали личную инициативу, мобильность его участников. Вместе с тем вырабатывались новые способы коммуникации и организации культурного порядка, новые правила и рамки (договорного, контрактного характера) взаимодействия и торговой игры. Возник и особый вид дискурса, который был обозначен отечественным исследователем Т.В. Венедиктовой как «дискурс торга». Как вид коммуникативных отношений данная языковая практика распространилась во всех сферах американской социокультурной жизни. Более того, сама социокультурная практика переняла рыночную модель, «метафорика торга и мысль о том, «что рынки и цены – основа человеческой природы», традиционно пронизывали американский культурный дискурс» [4. Р. 172]. Идея о том, что устройство речевого этоса и общественное устройство находятся в отношении подобия, высказывалась многими учеными неоднократно. Б. Уорф сформулировал это отношение так: «...действия, предпринимаемые людьми в тех или иных ситуациях, схожи с манерой, в которой о них говорят» [5. Р. 211]. Рассматривая свою жизнь как прежде всего деятельность по заключению сделок, человек встраивался в социум, приспособливал свое участие в нем с участием других людей, заранее представляя свои отношения с ними как состязательные. В этом состязании человек утверждает себя как *homo ludens*, человек играющий. По К. Марксу, торг – это стихия свободы: «Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам. Свобода! Ибо покупатель и продавец товара... подчиняются лишь велениям своей свободной воли... Равенство! Ибо они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Собственность! Ибо каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит. Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом» [6. С. 187].

Результатом торга выступает заключение сделки, но так как торг обусловлен стихией свободного рынка, где не совпадают интересы его участников, достижение желаемого результата никогда не бывает окончательным. Эта игра-торг предполагает прагматический интерес каждого из участников, но исключается возможность апелляции к «трансцендентной» инстанции, так как абсолюты и императивы уничтожают саму ситуацию торга и взаимосогласования интересов. Таким образом, рынок носит характер игры, истории с открытым финалом, несет в себе долю неопределенности и риска.

Стихия рынка динамична, открыта для изменений, переопределений. Его участники разыгрывают игру с невыразительным лицом (так называемый *roker face*), прикрываясь простачками, они сосредоточены на выявлении явного и неявного соотношения сил, построении плана действий для победы в этой игре. Эта ситуация предполагает как можно более отчетливое угадывание интереса противоположной стороны. Каждый участник сделки всегда

находится в процессе ее заключения, поэтому придерживается своей роли и ждет этого со стороны партнера. Часто невозможно определить, кто является манипулятором, а кто манипулируемым в сделке. Даже поражение переживается не как потеря, поскольку продолжение игры несет в себе возможность преодоления и достижения поставленной цели.

Торг как форма коммуникативного отношения преодолевает рамки рынка и утверждается в других социокультурных процессах: научном, религиозном, литературном, философском. Так, например, в рамках политического процесса можно рассматривать представительную демократию как осуществление политической власти в процессе обмена. Можно предположить, что распространение данного дискурса тем шире, а его влияние тем сильнее, чем менее отношения людей предопределены и неизменны, чем большее значение для них имеют свобода выбора своей судьбы, взаимная осмотрительность и готовность к компромиссу.

Торг есть не только экономическая категория, но и коммуникативная. Она предполагает динамизм участников общения, ведь иной, заключающий со мной сделку, может узнать обо мне большее, чем знаю я сам. Участие в торге может расширить горизонт нашего «Я», узнать больше о себе, узнав, что есть иной. Основное направление развития современного человека представляет отношения с иным как заведомо состязательные. Если саморазвитие рассматривается с позиции готовности к изменениям и росту, тогда главным фактором для участника сделки будет не столько то, что он приобрел, сколько то, чего он приобрести не смог. Как пишет Р. Эмерсон в эссе «Круги»: «Бесперывное желание возвыситься над самим собой и идти далее точки, до которой дошел, всего яснее выказывается во взаимном отношении людей. Мы жаждем одобрения, если же получим его, то принимаем как унижение. Любовь – лучшее благо жизни, но, любя истинно, мучишься сознанием своих несовершенств... Человек перестает казаться для нас занимательным, лишь только мы увидим его границы: когда дойдем до них, не сильные впечатления производят на нас его таланты, предприятия, ученость» [7. С. 177]. Побуждающий к движению творческий вызов в такой системе оценивается выше, чем равновесие и постоянство, которые представляются в ней как неготовность к развитию. Субъект этой системы проводит постоянную переоценку, преодоление наличного состояния и любого определения – ограничения. Ситуация рынка, таким образом, отрицает возможность окончательной сделки, поскольку даже ее удачное завершение грозит поражением для всех партнеров, теряющих в лице иного ресурс для собственного развития. Данный тип коммуникативных отношений не обеспечивает ни одной из сторон обладания истиной, но только – «повышенную и неостановимую подвижность не – истин, не – правд» [8. С. 254]. Состязательное отношение с иным, рождающее конфликтующие оценки – интерпретации проблематично, но также и плодотворно в своем порождении интерпретативной бесконечности.

Таким образом, дискурс рынка может служить моделью идеального «непрекращающегося диалога», однако не того диалога, который подразумевает полноту самораскрытия, внимательное отношение к другой индивидуальности, а того вида диалога, для которого характерны конвертируемость, подмена истин, состязательность, обман, манипуляция, непредсказуемость. Полага-

ем, что в американской философии есть целый ряд авторов, труды которых могут быть интерпретированы через модель «рынга» как особого рода «непрекращающегося диалога». Так, Ч.С. Пирс сформулировал идею прагматического подхода, заключающегося в отождествлении значения понятия с его последствиями, а его идея фаллибилизма вводит в качестве критерия «промежуточной истины» intersubъективное согласие научного сообщества. У. Джеймс придал прагматическому методу всеохватывающую область и установил критерием истинности идеи ее «работоспособность», упрощение и экономию усилий субъекта. В подходе к объяснению бытия У. Джеймс использует принципы плюрализма и индетерминизма, истинность не есть результат, итог исследования. Истина – это событие, процесс, ее ценность и значение и заключаются в самом процессе ее подтверждения. В работах Дж. Дьюи и Дж. Мида актуализируются контекстуальные характеристики знания. Идеи, по мнению Дж. Дьюи, выступают инструментами для практики, подлежащими усовершенствованию по мере возникновения новых проблематических ситуаций. Особенно ярко коммуникативная природа культуры и знания представлена в рортианской концепции «солидарности как толерантности», достижении соглашения на основе ироничного отношения к убеждениям, ценностям и верованиям и готовности поступиться ими вследствие их неабсолютного характера.

Специфика коммуникации, организованной по модели рынка, состоит в том, что роль интерпретатора становится как никогда ответственной, сопоставимой с ролью автора. Свобода интерпретатора стимулируется, но в то же время ограничивается текстом. Подобную двойственность восприятия текста, по мнению Р. Рорти, обеспечивает ирония, подразумевающая множественность равноправных рамок восприятия и интерпретации. Ирония указывает на отсутствие однозначности и низводит ценность абсолютного до уровня относительного. Парадоксально, но ироническая двусмысленность указывает на искренность говорящего, на наличие у личности внутреннего содержания, не тождественного его социальным репрезентациям. Это внутреннее содержание не есть кантовское нравственное «Я», скорее это фрейдистская бессознательная фантазия, позволяющая рассматривать человеческую жизнь как историю, миф. Если социальный долг требует соответствия роли, то долг перед собой как носителем творческого потенциала предполагает несоответствие роли, ухода от определенности, жестко заданных ролевых ожиданий. Не отрицая обмана, ирония провоцирует участника диалога к амбивалентному восприятию, отсутствию однозначности, предлагает обратить внимание на перформативный смысл высказывания и занять позицию не потребителя, а соучастника игрового обмена, инициированного автором. Если обман однозначен и конечен, то обмен, на возможность которого указывает ирония, бесконечен, разные значения пробуждают и множат друг друга. Ее использование в тексте сопряжено с воспитательным эффектом, который переживает адресатом как процесс собственного преобразования из простака в знатока, из жертвы в партнера.

Торг ироничен и в том смысле, что подразумевает некоторое равновесие между удовлетворением конкретных потребностей и неудовлетворенностью как перспективой на будущее. Часто люди трактуют свою выгоду узко, зачастую изменяя более значительным перспективам, вследствие чего остаются

«жалкими рабами, а не свободными агентами на рынке жизни» [6. С. 529]. Как писал Дж. Дьюи: «Являя собой по сути взаимодействие, обмен, коммуникацию, дистрибуцию, стремление делиться тем, что иначе осталось бы изолированным и отдельным, – торговля все еще пребывает в рабстве у частного интереса... Прагматическая вера влачится в цепях, а не шествует в полный рост» [9. Р. 59]. Таким образом, освобождение прагматической веры, по Дж. Дьюи, предполагало бы переход отношений рынка из сферы узкоэгоистической, экономической практики в более широкие культурные области.

Итак, идеал философа и философии общечеловечен, но в то же время уникален для каждой культуры. Своеобразие американского идеала, возникшего в XVIII–XIX столетиях и находящегося в силовом поле рыночных практик, политической демократии, развитой системы массовых коммуникаций, состоит в его близости к модели игры и «рынка», предполагающей состязательное сотрудничество, консенсус, толерантность, учет мнений всех сторон, признание ангажированности всех субъектов коммуникации, «эдем прирожденных прав человека» и поединок эгоистических волей, игру и ритуал» [8. С. 4]. Этот тип дискурса не исключительный в культуре США и, конечно, присущ не только ей, но, растиражировав себя посредством делового, политического, публицистического, литературного, философского слова, стал одним из важнейших средств самосозидания американской нации как культурного целого.

Если классический европейский идеал коммуникации предполагал полноту и непосредственность самораскрытия, бережное и целостное восприятие другой индивидуальности, глубину и значимость предмета коммуникации, то «дискурс рынка» породил «мир слова, всегда неравного к себе, обманчивого по определению, точнее, способного равно к правдивости и обману» [Там же. С. 246]. Данный тип речевой коммуникации указал на периферийность диалога, на конвенциональную, прагматическую природу его мнимой глубины.

Данная парадигма рождает особый взгляд на философию не как на процесс приобретения истины, но как на способ получения удовлетворения от промежуточных моментов понимания друг друга: «Взгляд на поддержание разговора как на самодостаточную цель философии, взгляд на мудрость как на способность поддерживать разговор равнозначен скорее взгляду на человеческие существа как на генераторов новых описаний, нежели как на существа, способные, следует надеяться, к точному описанию» – этими словами Р. Рорти рисует образ современной философии как посредника между другими голосами культуры [10. С. 30]. Именно такой разговор определяет и «дух эпохи», и своеобразие классической американской философии, лишенной притязаний на объективность и точность.

Литература

1. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1994. 560 с.
2. *Katzen M.* Mystic chords of memory. The transformation of tradition in American culture. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1991.
3. *Commager H.S.* The American mind. An interpretation of American thought and character since the 1980. New Haven, 1950.
4. *Fabian A.* Card Sharps, Dream books and bucket shops. Gambling in 19-th century America. Ithaca; London : Cornell University press, 1990.
5. *Whorf B.L.* Language, Thought and Reality / J.B. Carroll. Cambridge : MIT Press, 1956.

6. Маркс К. Капитал. М. : Политиздат, 1983. Т. 1, кн. 1. 907 с.
7. Эмерсон Р. Нравственная философия. Опыты. Представители человечества. URL: <http://www.nbospace.ru/emerson/> (дата обращения: 13.05.2018).
8. Венедиктова Т.В. Разговор по-американски: дискурс торго в литературной традиции США. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.
9. *Pragmatism and American culture* / ed. G. Kennedy. Boston, 1950.
10. Порти Р. Философия и зеркало природы. Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1997. 320 с.

Mikhail V. Kulikov, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation).

E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 43. pp. 80–87.

DOI: 10.17223/1998863X/43/7

AMERICAN PHILOSOPHY: AN ATTEMPT OF IDENTIFICATION THROUGH THE CATEGORY “MARKET”

Keywords: American philosophy; market; discourse of bargaining.

The article deals with the specifics of the spiritual life of America through the introduced category “market”. An attempt is made to define the notion “American philosophy” through the discovery of common features of Ralph Emerson’s transcendentalism, pragmatists, neo-realists, naturalists, and analytical philosophers. One of the most important factors that influenced the formation of American culture in general and philosophy in particular is the market – a special form of transactions and contracts. There also appeared a special kind of discourse, which the Russian researcher T. Venediktova designated as the “discourse of bargaining”. As a form of communicative relations, this language practice has spread in all spheres of American socio-cultural life. Bargaining is not only an economic category, but also a communicative one; it involves the dynamism of the participants in communication, participation in bargaining can expand the horizon of one’s “I”, help learn more about oneself after learning that there is the other. The subject of this system constantly reassesses, overcomes the present state and any definition-restriction. Within the political process, representative democracy can be viewed as the exercise of political power in the process of exchange. It can be assumed that the dissemination of this discourse is wider, and its influence is stronger: the less the relations of people are predetermined and unchanged, the more important for them the freedom to choose their destiny, mutual circumspection and readiness for compromise are. Discourse of the market can serve as a model for an ideal “incessant dialogue”, however, not the dialogue that implies the completeness of self-disclosure, attentive attitude to another individuality, but the kind of dialogue characterized by convertibility, substitution of truths, competitiveness, deception, manipulation, unpredictability. The author believes that American philosophy has a number of authors whose works can be interpreted through the “market” model as a special kind of an “incessant dialogue”. Thus, Charles Sanders Pierce formulated the idea of a pragmatic approach consisting in identifying the meaning of the concept with its consequences, and his idea of fallibilism introduces the intersubjective agreement of the scientific community as a criterion of “intermediate truth”. William James gave the pragmatic method of the all-encompassing region and established the “working capacity”, the simplification and saving of the subject’s efforts as a criterion of the truth of the idea. In the approach to explaining being, James uses the principles of pluralism and indeterminism: truth is not the result, the result of research, truth is an event, a process, its value and significance, and lies in the very process of its confirmation. In the works of John Dewey and George Herbert Meade the contextual characteristics of knowledge are actualised. Ideas, according to Dewey, are tools for practice, subject to improvement as new problematic situations arise. The communicative nature of culture and knowledge is especially evident in the concept of “solidarity as tolerance”, of reaching an agreement based on an ironic attitude to opinions, values and beliefs, and on willingness to sacrifice them because of their non-absolute character. Thus, the ideal of a philosopher and philosophy is universal, but at the same time unique for every culture. The peculiarity of the American ideal that emerged in the eighteenth and nineteenth centuries and is in the force field of market practices, political democracy and a developed system of mass communications lies in its proximity to the game model and the “market”, which implies adversarial cooperation, consensus, tolerance, recognition of the involvement of all subjects of communication. This type of discourse is not exclusive in the culture of the United States and, of course, is inherent not only to it, but, replicating itself through the business, political, journalistic, literary and philosophical word, it has become one of the most important means of self-creation of the American nation as a cultural whole.

Reference

1. Tocqueville, A. de (1994) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French by V. Oleynik, E. Orlova, I. Malakhova, I. Ivanyan, B. Vorozhtsov Moscow: Progress.
2. Kammen, M. (1991) *Mystic chords of memory. The transformation of tradition in American culture*. New York: Alfred A. Knopf.
3. Commager, H.S. (1950) *The American mind. An interpretation of American thought and character since the 1980*. New Haven: Yale University Press.
4. Fabian, A. (1990) *Card Sharps, Dream books and bucket shops. Gambling in 19-th century America*. Ithaca; London: Cornell University Press.
5. Whorf, B.L. (1956) *Language, Thought and Reality*. Cambridge: The MIT Press.
6. Marx, K. (1983) *Kapital* [Capital]. Vol. 1(1). Translated from German. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
7. Emerson, R. (n.d.) *Nravstvennaya filozofiya. Opyty. Predstaviteli chelovechestva* [Moral Philosophy. Experiments. Representatives of Humanity]. Translated from English. [Online] Available from: <http://www.nspace.ru/emerson/>. (Accessed: 13th May 2018)
8. Venediktova, T.V. (2003) *Razgovor po-amerikanski: diskurs torga v literaturnoy traditsii SSHA* [American conversation: The discourse of bargaining in the US literary tradition]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
9. Kennedy, G. (ed.) (1950) *Pragmatism and American Culture*. Boston: Heath.
10. Rorty, R. (1997) *Filozofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and The Mirror of Nature]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.